

ОСОБЕННОСТИ УСТНОГО НАУЧНОГО ДИСКУРСА: ПО МАТЕРИАЛАМ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА

*Светлана Олеговна Савчук
(Институт русского языка им. В. В. Виноградова
Российской академии наук)*

Устная публичная речь имеет двойственную природу, на что обращали внимание ее исследователи [8: 5], [10], [13: 244–246] и др. С одной стороны, это речь интеллектуализированная, в содержательном плане она решает те же задачи, что и соответствующие письменные тексты — научные, публицистические, деловые, художественные, — и пользуется средствами книжно-письменного языка. С другой стороны, устная форма осуществления публичной речи требует следования законам порождения устного высказывания, что обуславливает появление в ней специфических черт, присущих живой разговорной речи (хезитации, перестройка, инвертированный порядок слов и пр.).

Типичной формой публичной речи является монолог, представляющий собой речевой отрезок достаточно большой протяженности. Даже диалогические жанры, такие как интервью, беседа, круглый стол, ток-шоу, встречи с читателями, состоят по сути из более или менее развернутых высказываний-монологов. Монологическая речь имеет более сложную организацию, чем диалог, поскольку в задачу говорящего в процессе порождения высказывания входит не только развертывание смысла, но и расстановка логических и эмоциональных акцентов и управление вниманием слушающего. При этом используются иные средства, чем в письменной речи, что обусловлено линейным способом развертывания устного монологического высказывания и необходимостью членения речевого потока на удобные для произнесения речевые отрезки разного строения и протяженности, которые в разных описаниях называются сегментами (О. А. Лаптева), синтагмами (Л. В. Щерба), элементарными дискурсивными единицами (А. А. Кибрик, В. И. Подлеская) и др. Механизм сегментирования, для которого характерно стремление к относительной самостоятельности сегментов, распределение их по степени коммуникативной значимости, вступает во взаимодействие с синтаксическими единицами и перестраивает, модифицирует их, что определяет синтаксический строй устного монологического высказывания.

Таким образом, первая особенность устной публичной речи, которая вытекает из ее устной природы, удаляет ее от аналогичного по содержанию письменного научного, публицистического или художественного текста и сближает с устной бытовой речью. Другая особенность устной публичной речи определяется ориентацией на слушающего, стремлением сделать содержание доступным, вызвать интерес к нему, удержать внимание. Основной современной тенденцией является использование для этих целей средств разговорной речи, которая «отвоевывает себе все новые позиции» в публичном дискурсе. Как отмечает О. А. Лаптева, в телевизионной речи «все более необязательным становится точный выбор языкового средства, все более обязательным — обращение к устно-литературной норме, которая с кодифицированной не совпадает» [8: 3–4]. Все это также сближает устную публичную речь с разговорно-бытовой, что подтверждается количественными результатами, полученными на материале НКРЯ [2: 139–145].

Масштабное исследование устной публичной речи — научной и телевизионной, — проведенное в последней четверти XX в. коллективом под руководством О. А. Лаптевой, выявило сложное сочетание в ней устно-разговорных, общелитературных, устно-литературных и книжно-письменных языковых средств [8], [12]. Отмечалось, что в большей степени влиянию устно-разговорной стихии оказался подвержен язык звучащих средств массовой информации, а в меньшей степени — устная научная речь и деловая речь. Сохраняется ли это соотношение сегодня, в каком направлении идет эволюция публичной речи в различных сферах — ответить на эти вопросы помогло бы исследование современного состояния публичного дискурса, в котором, возможно, удастся обнаружить изменения, накопившиеся за годы, прошедшие со времени исследования — 1970–1980-х гг.

Другой причиной для возобновления исследования современной устной публичной речи является то, что в наше время его можно проводить на новом уровне, поскольку у исследователей звучащей речи появились новые инструменты. С одной стороны, это доступные специальные программы, позволяющие анализировать фонетическую сторону речи, с другой стороны, это инструментарий корпусной лингвистики. См., например, исследования устной монологической речи на материале корпусов [4], [9].

Что касается именно устной научной речи (УНР), то из всех известных корпусов звучащей речи УНР в достаточном количестве представлена в Национальном корпусе русского языка [11], на материале которого проведено настоящее исследование. Для проведения

исследования и сопоставления количественных результатов было выделено три подкорпуса.

1) Подкорпус устной научной речи в составе Мультимедийного корпуса (далее УНР) объемом около 850 тыс. словоупотреблений. В нем представлены как жанры научной речи (доклады на конференциях, лекции), так и жанры научно-популярной речи (интервью, беседы на ТВ, в частности, обсуждение актуальных научных проблем в проекте «Гордон»). Таким образом, представленный в подкорпусе материал отчасти являет собой «устную научную речь с телеэкрана», сочетающую свойства научной и устной публичной речи.

2) Подкорпус устной непубличной речи (далее УНР) включает записи разговорной речи — бытовых диалогов, рассказов и пр., относящиеся к периоду после 2000 г. Его объем — около 1 млн словоупотреблений.

3) Подкорпус письменной научной речи (далее ПНР) содержит научные и научно-популярные тексты, относящиеся к базовым научным жанрам (статья, лекция, доклад, отзыв, отчет, рецензия), написанные после 2000 г. Его объем составляет около 7,1 млн словоупотреблений.

Ниже приведены отдельные результаты проведенного исследования.

Вывод о том, что синтагматическое членение УНР, стремление сегментов к относительной коммуникативной самостоятельности приводит к увеличению глагольности, подтверждается на нашем материале (см. Таблицу 1). Количество глагольных форм на единицу объема (1 млн словоупотреблений) в устной научной речи значительно превышает частотность их в письменном научном тексте. Особенно наглядно расхождение между устной и письменной научной речью проявляется при подсчете, исключающем формы причастий: в УНР спрягаемые формы глагола, формы инфинитива и деепричастия употребляются почти в 2 раза чаще.

Таблица 1

Подкорпус	Объем	Глаголы, все формы	ipm	Глаголы, без учета форм причастий	ipm
УНР	854974	134357	157147	120768	141253
УНР	1073348	184944	172305	181475	168074
ПНР	7170421	866901	120996	595760	83085

По уровню использования дискурсивных частиц при оформлении монологического высказывания устная научная речь резко отличается от письменного научного текста и приближается к разговорной диалогической, а в некоторых случаях не уступает ей.

Таблица 2

частица	УНР	ipm	УРР	ipm	ПНР	ipm
ну	6 224	7280	20361	18970	184	2,6
вог	17 034	19923	20685	19271	1419	20
же	2 686	3142	4287	3994	12022	167

Обращает на себя внимание упоминавшееся в исследовании 1970–1980-х гг. использование частицы *да* в составе «вопросительных конструкций с дополнительной фразовой границей», которые по сути являются утверждениями (например, *входят как первичный элемент, как множество, да? принадлежащее полю*). В комментариях к немногочисленным примерам видно, что эти конструкции редки в публичной речи и не могут получить здесь широкого распространения, «поскольку являются принадлежностью ситуативных монологов» [8: 481–482]. Однако современные исследования отмечают широкое употребление *да* в разных функциях: в качестве заполнителя пауз хезитации [4: 54–56], для поддержания контакта со слушающим [1: 148–149], [13: 214]. На нашем материале выявлено массовое употребление этого маркера в УНР: *И мы / когда улыбаемся / да / вот это уже некая гарантия предрасположенности к общению*. [Юрий Прохоров. Русский язык в поликультурном пространстве. Проект Academia (ГТРК «Культура», 2010)]. *Но главное состоит в том / главная идея в том / что дракон подстерегает нас. В отличие от змея / который искушает / да? Он подстерегает нас на том пути / который ведёт нас к небу*. [Александр Махов. Средневековый демонологический bestiary. Проект Academia (ГТРК «Культура», 2010)].

В УНР отмечена высокая частотность союза *то есть*: 3905 вхождений на миллион словоупотреблений (в подкорпусе разговорной речи — только 1213 вхождений, в подкорпусе ПНР — 1929). Выявлены особенности функционирования этого союза по сравнению с литературным стандартом. Если в кодифицированном литературном языке эта единица в подавляющем большинстве случаев выступает в функции коннектора и устанавливает отношение поясняющего переформулирования [5], [6: 26], то в современной устной научной

речи *то есть* часто заменяет собой союзы, выражающие другие смысловые отношения, или употребляется с размытой семантикой, близкой к дискурсивным словам, отмечающим присоединение дополнительного высказывания. Этим, вероятно, можно объяснить высокую частотность этого союза в позиции абсолютного начала фразы (2365 вхождений на миллион словоупотреблений по сравнению с 607 случаями в непубличной речи).

То / что дети как-то совершенно иначе со всем этим обращаются / чем мы. То есть (=например) / ну / если вы видели / как они эсэмэски набирают / что у них пальцев не видно / ну / я так уже точно никогда не смогу и даже пытаться невозможно. [Людмила Петрановская: «Любой тоталитарный режим первым делом разрушает семью» (2016)]. *Значит / вот так примерно выглядит базовая страница / титульная страница вот этого сайта Института немецкого языка / [...] слева / список идиом довольно длинный / можно кликать каждую идиому отдельно и получать словарную статью. То есть (= так что) каждый / кому это интересно / может это попробовать хоть сегодня.* [Д. О. Добровольский. Доклад на конференции «Диалог 2013»]. *Почему так / да? Потому что вообще не имелось в виду / что этот вождь будет как-то что-то налаживать. Ну / то есть (=иными словами; попытка перифрастического переформулирования) вообще это не имелось в виду / что он будет наводить порядок.* [Людмила Петрановская: «Любой тоталитарный режим первым делом разрушает семью» (2016)].

К явлениям порядка слов относятся конструкции с именительным темы, позволяющие осуществить принцип выдвижения наиболее значимого информационного элемента в начало синтагмы. В современной устной научной речи, как и в устной публичной речи вообще, эти конструкции, которые А. М. Пешковский называл лекторским именительным, получили чрезвычайно широкое распространение. *Процесс познания / он является главным мотивом исследования.* [Сергей Капица. Россия и мир в демографическом зеркале. Проект Academia (ГТРК «Культура, 2012)]. *И этот облачный слой / он вращается вокруг планеты / это его Солнце / солнечное излучение.* [Александр Базилевский. Венера. Программа «Гордон» (НТВ, 2003)].

Напротив, принцип добавления менее значимых компонентов в конец синтагмы приводит к такому явлению порядка слов, как постпозитивное расположение прилагательных. Эти конструкции, нехарактерные для письменной публичной речи, типичны для бытовых диалогов. *И вот мыслители эпохи Возрождения / философы итальянские пятнадцатого века заинтересовались прошлым Европы.*

[Наталья Басовская. Зарождение средневековой цивилизации Западной Европы. Проект Academia (ГТРК «Культура», 2010)]. *А вот в письменной речи / традиционной рукописной / всё-таки обычно зачёркивание могло использоваться* [А. Сомин, А. Пиперски. Доклад на конференции «Диалог 2013»]. *Мы не выключаем. Вот. Записываем целиком поток речи большой/ и нет смысла скрывать/ они не пугаются.* [Игорь Исаев. Живы ли русские диалекты? В поисках носителей. Лекция в Политехническом музее (2011)].

В устной научной речи активно используются средства речевой выразительности. Речевая экспрессия обусловлена желанием говорящего сделать речь убедительной, доходчивой, живой, эмоционально окрашенной. На лексическом уровне это выражается, в частности, в употреблении разговорной лексики и фразеологии, уменьшительных форм, в повышенной частотности суперлативов, наречий степени, оценочных слов. *Я / к сожалению / живём не была / но смотрела в Интернете внимательно* [Татьяна Черниговская. Язык и сознание: Что делает нас людьми? (Полит.ру, 2008)]. *А теперь давайте немножечко коснёмся другого вопроса.* [Сергей Карпов. Причерноморье. Перекресток цивилизаций. Проект Academia (ГТРК «Культура», 2010)]. *Я пользовалась ээ данными / естественно / мультимедийного русского корпуса / о котором уже всем все уши прожужжала.* [Е.А. Гришина. Доклад на конференции «Диалог 2012»]. *И никакой вот такой вот симпатичной эволюции мы б не увидели/ потому что видать было бы некому.* [С. Бурлак. О неизбежности происхождения человеческого языка (Полит.ру, 2008)]. *Вот то / что здесь показано / это один из самых свежайших примеров изменений экологической обстановки внутри крупных городов.* [Сергей Беэр. Паразитизм в живых системах. Программа «Гордон» (НТВ, 2003)]. *В конце семидесятых годов с большой остротой возникла опасность ядерной войны. Было наготовлено чудовищное количество ядерного оружия / разрушительная сила совершенно в невообразимых масштабах.* [Сергей Капица. Россия и мир в демографическом зеркале. Проект Academia (ГТРК «Культура», 2012)].

На синтаксическом уровне примерами проявления речевой экспрессии являются повторы, в том числе перечисления. Лексические повторы используются для выражения высокой степени признака: *И если скопление движется по орбите/ то за ним долгое-долгое время ещё идёт звёздный рой.* [Жизнь звездных систем. Программа «Гордон» (НТВ, 2003)]. *Это совершенно бессмысленная такая чёрная дыра в большой-большой бесконечности.* [Леонид Кацис. Отражение Апокалипсиса. Программа «Гордон» (НТВ, 2003)].

Конструкции перечисления создают эффект нагнетения признака, при этом второй (и последующие) член перечисления не несет нового лексического значения, а служит лишь для усиления, подкрепления степени эмоциональной оценки. *И одновременно он даже исповедует их и учит их / как жить личной / частной / приватной / интимной жизнью.* [Юрий Пивоваров. Русская история в зеркале русской мысли. Проект Academia (ГТРК «Культура», 2010)]. *И в это верили / за это боролись и за это готовы были голову положить / и не только в ходе гражданской войны / но и в ходе возможных в будущем развивающихся мировых конфликтов / в том числе и в Первой мировой войне. Я думаю / что вот эта окраска / такая вот идеологическая окраска / окраска политическая / ментальная окраска / которая была свойственна умам людей того периода / она имела огромное значение / огромное влияние.* [Андрей Сахаров. Дипломатия 1939–1945 годов. Проект Academia (ГТРК «Культура», 2011)].

Перечисленные и многие другие явления реализуют устно-литературную норму и сближают устную научную речь с другими формами устной речи.

Список использованной литературы

1. Гришина Е. А. Да в русском устном диалоге // Russian Linguistics. № 35 (2). 2011. С. 169–207.
2. Гришина Е. А., Савчук С. О. Корпус устных текстов в НКРЯ: состав и структура // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 129–149.
3. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч. 2. Т. 1. / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб: Филологический ф-т СПбГУ, 2014.
4. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч. 2. Т. 2/ отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб: Филологический ф-т СПбГУ 2015.
5. Инькова О. Ю., Гурьев А. С. К вопросу о категории пояснения в русской грамматике // Русский язык в научном освещении. 2018. № 1. С. 46–73.
6. Инькова О. Ю. Квантитативный анализ коннекторов: семантика и функционирование *то есть* // Тезисы всероссийской конференции «От языковых машинных фондов к лингвистическим корпусам: памяти В. М. Андрущенко». Москва 28–29 сентября 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: http://ruslang.ru/doc/conf_Andrjuschenko_abstracts.pdf
7. Кибрик А. А., Подлесская В. И. Проблема сегментации устного дискурса и когнитивная система говорящего // Когнитивные исследования — I, том 1. М., 2006. С. 138–158.

8. *Лаптева О. А.* Живая русская речь с телеэкрана: Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. Изд. 6-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. (1-е изд. — 1990 г.)
9. Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А. А. Кибрика и В. И. Подлесской. М.: Языки славянских культур, 2009.
10. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Грамматика / под ред. проф. О. Б. Сиротининой. Саратов, 1992.
11. *Савчук С. О.* Устная научная речь в свете корпусных данных // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 13. М., 2017. С. 143–151.
12. Современная русская устная научная речь. Общие свойства и фонетические особенности. Т. I / под ред. О. А. Лаптевой. Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1985.
13. *Шатилов А. С.* Особенности построения высказывания в устной научной речи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2010. № 1. С. 211–215.
14. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: ruscorpora.ru